

ужасный момент. Он снова начал жаловаться, метаться на кровати от приступа спазм, которые возобновились с такими сильными болями в сердце, что, казалось, они его задушат, и только рвотное могло его от них избавить. «*Ох тяжело, ох тошно*, — закричал он снова. — *Господи, помоги мне*». Потом, обращаясь к Максиму Федоровичу^{XXIV}, «*Дайте что-нибудь, чтоб меня стошнило, меня только тянет, а поднять не может. Ох, тяжело, прости мне, Господи*». Эти слова смешивались со стонами такими глубокими, что они разрывали сердце. Ему дали ромашку — в надежде, что она поможет ему вытошнить пищу, которую его желудок не мог переварить, он выпил несколько чашек, которые только увеличили его стеснение в груди и жестокие, измучившие его, рези. Видя столь тяжкие страдания того, кто был нам так дорог, и не имея возможности избавить его от них, я, со сжавшимся сердцем, побежала броситься на колени перед маленькой иконой, которую заметила в гостиной. Там, одна перед моим Богом, я больше не пыталась силой успокаивать свое сердце и разразилась потоками слез. «*Помоги ему! Исцели его, Господи!*» — вот что самая глубокая боль заставила меня сказать. Молитвы не успокоили меня; я поднялась такой же безутешной, какой была до этого. Я не почувствовала никакого утешения, которое поддержало бы меня в моем горе надеждой, что мои молитвы были услышаны, я побежала к моей бедной тете, от нее к дяде, его я нашла в том же состоянии, его сердечные боли не стали слабее, а стоны не стали менее ужасными. Доктор потерял голову. «*Не дать ли ему еще одну ложку рвотного?*» — спросил он меня. Это решение казалось разумным. Я побежала к тете, так как доктор не хотел ничего предпринимать без ее согласия, обрисовала ей состояние моего дяди. Она решилась на ложку рвотного. «*Дать ложку*» — сказала я, входя, — *Тетинька приказала*. «*Боюсь я, сударыня*», — сказал он, набирая ложку. «*Чего вы боитесь?*» — спросила его я, не подозревая даже, чего он опасался; Мысль о смерти была так далека от меня, и желание ему помочь было единственным чувством моего сердца. Принятое рвотное быстро произвело свое действие, и он вытошнил весь хлеб, который съел с супом и который его желудок не мог переварить; я побежала сказать об этом тете, она выслушала меня с минутным удовольствием. «*Нет*, — сказала она, — *все еще желудок у него полон*». Вернувшись в спальню, я села справа от его кровати, откуда могла его видеть, хотя издали. Он меня заметил. «*Это она*», — сказал он, обращаясь к слуге. «*Прасковья Николаевна*» — ответил Кондратий. Я подошла к нему, он протянул мне руку. «*Тяжело мне было, очень тяжело*, — сказал он мне, — *но теперь, слава Богу, легче*. Он пожал мне руку, я поцеловала его ладонь, повторяя за ним: «*Слава Богу*». Его вытошнило еще, почти без усилий; он велел Александрине Дьяковой показать тазик тете, которая вы-